

Я стоял, оцепенело глядя в пустоту, и лишь спустя долгое время осознал, что снова забыл спросить её имя. Мне смутно припомнилось, будто кто-то называл её Муза. Может, это её английское имя?

Я пошел в уборную умыться, но слезы оказались быстрее воды — они скатились по щекам, собрались на подбородке и сорвались вниз, в раковину. По воде пошли круги, словно по глади озера, в которое бросили камень. Боль от разбитого сердца всё же оказалась слабее, чем растерянность от того, что в душе воцарился такой хаос.

Я открыл ноутбук, и экран отразил мое бледное лицо. Как и все люди, склонные к самобичеванию, я привык записывать свои душевные терзания глубокой ночью.

Шестьсот девяносто седьмая ночь.

Тело подобно летящему облаку, сердце — порхающему пуху, дыхание — тончайшей нити. Остался лишь тонкий аромат, но где же странник, которого я так жду?

До меня доходили обрывочные новости о тебе: что вернулась в страну, что обручилась. Люди смотрят на меня с невыразимым выражением глаз, в котором сквозит жалость и понимание. Я твержу себе, что мне всё равно, но именно потому, что мне не всё равно, я делаю вид, что безразличен. Я сам сослал себя в этот город, отрезав все пути к отступлению. Но все мои попытки построить внутреннюю защиту и подготовиться к встрече рассыпались прахом, стоило мне случайно столкнуться с тобой взглядом. Боль, сердцебиение, слезы — их было невозможно сдержать, оставалось лишь покориться.

Знаешь, я сегодня тебя встретил. Боль от того, что мы прошли мимо друг друга, не в силах даже пожелать добра, была мне неведома. Раньше я думал, что писатели просто слишком жеманны, раз сочиняют такие терзающие душу строки, вроде: мы больше никогда не сможем вернуться назад.

Теперь, когда я в самом деле прошел мимо тебя, я понял, что в этих словах нет ни капли преувеличения. Су Мань, неужели мы и правда больше не сможем вернуться назад? Я видел, как ты спокойна и безмятежна в его объятиях, и на этом фоне я выглядел таким же незрелым и неудачливым, как и раньше. В конце концов, я действительно тебя не достоин, разве нет?

Острая простуда прошла так же быстро, как и началась. На следующий день я как обычно пришел на работу. Нин Чжюань, едва увидев меня, тут же подошел:

— Цзимо.

— Нин Чжюань, — я прямо встретил его горящий взгляд. — Я человек не слишком догадливый, так что в будущем лучше говори всё прямо. В любом случае, спасибо за вчерашнее.

Его глаза вспыхнули, он с изумлением оглядел меня с ног до головы:

— Ты... ты наконец-то отреагировал. Если бы ты и дальше молчал, я бы решил, что ты сделан из камня.

Я слегка улыбнулся и прошел к своему рабочему месту. Он последовал за мной и тихо произнес:

— Насчет адвоката Ло не беспокойся. Если он посмеет тебя задеть, я выступлю свидетелем, и мы на него заявим.

Я горько усмехнулся:

— Без доказательств? Как на него заявить?

Тогда всё произошло слишком быстро: ни записи, ни видео. Если подать жалобу без улик, он вывернет всё так, будто это я, не сумев добиться повышения, решил его оклеветать. Разве это не навлечет на меня еще большие неприятности?

— Раньше одна коллега уже пострадала от него точно так же. Когда всё вскрылось, он переложил всю вину на неё, полностью открестился. Она оказалась в безвыходном положении: в фирме стало невыносимо, все только и делали, что тыкали в неё пальцем, и ей пришлось уволиться, — сказал Нин Чжиюань. — Когда он начал так активно тебя приближать, я сразу забеспокоился. Не думал, что мои опасения оправдаются.

Я не хотел возвращаться к этой теме, даже думать об этом не желал. Будь я прежним, возможно, в порыве гнева подал бы заявление об увольнении, лишь бы не работать с этим подонком. Но теперь я не стану действовать так импульсивно. Я тоже совершил ошибку, поступившись своими принципами, поэтому не имею права сбегать. Чем больше он пытается меня унижить, тем упорнее я буду работать у него на глазах, чтобы доказать свой успех!

Адвокат Ло — человек умный, открыто враждовать со мной он не станет, но втихаря будет доставлять неприятности, мстя за то, что я сорвал его планы по подхалимству перед судьей Цао. Например, намеренно заваливал меня мелкой работой: бесконечной печатью документов, отправкой факсов, чтобы тратить мое время и испытывать терпение. Я не злился, а просто выполнял всё, что он поручал, доводя до идеала, к которому невозможно придаться. Заставлял работать сверхурочно — я оставался. Появлялась свободная минута — я с головой уходил в изучение материалов дел. Хотя это и утомляло, зато помогало отвлечься от несбыточных грез и тверже встать на ноги.

В этот период внимание со стороны Нин Чжиюаня стало еще более навязчивым. Он целыми днями то приносил мне еду, то напитки. Возвращать их было бесполезно, и мне приходилось угощать коллег-женщин. Его это не смущало, и он продолжал изо дня в день подкладывать в мой ящик какие-то мелочи. Каждый раз, открывая стол, я испытывал настоящую пытку.

Однажды, придя на работу, он таинственно протянул мне записку и, покраснев, поспешно отошел. У меня внутри всё сжалось: неужели это... то самое? Как назло, страхи оправдались. Развернув листок, я прочел аккуратные строчки: Цзимо Сыгуй, ты просила меня говорить прямо, если есть что сказать. Я всё обдумал, твои слова верны, поэтому решил пригласить тебя

на обед. Если нет возражений, увидимся в ресторане напротив во время перерыва.

Я бросил записку в корзину для мусора и уткнулся в документы, скрывая внутреннее беспокойство. Идти или не идти? Если пойду, а он начнет нести какую-то чепуху, мне будет неловко, а грубый отказ ранит его чувства. А если не пойду? Вдруг он просто хочет по-дружески пообщаться, а я накручиваю себя и выгляжу мелочным?

Поразмыслив, я решил пойти. Насильно мил не будешь, а если всё пойдет по самому худшему сценарию, просто наберусь смелости и отвечу — как можно более вежливо.

Чем меньше хочется, чтобы время летело, тем быстрее оно бежит. В мгновение ока наступил перерыв. Я увидел, как Нин Чжюань вышел, и лишь тогда не спеша собрал бумаги и отправился на встречу.

Едва войдя в ресторан, я увидел, что он высматривает меня. Заметив меня, он просиял:

— Я уж боялся, что ты не придешь.

Я неловко улыбнулся, мы нашли столик, и я опередил его:

— Как я могла не прийти? По всем правилам приличия это я должна была пригласить тебя на обед.

Он замер, но через мгновение улыбнулся:

— Не выйдет, мы же договорились, что угощаю я.

Я не хотел этого. Если он заплатит, мне придется под любым предлогом приглашать его в ответ, а так мы будем ходить кругами до бесконечности. Я поспешил сказать:

— Нин, я хочу тебя отблагодарить. Если не позволишь мне заплатить за этот обед, разве это не заставит меня чувствовать себя не в своей тарелке?

И правда, он засомневался и пробормотал:

— Ну, если так...

— Решено, — я взял меню и начал выбирать блюда.

— Цзимо, я... я хотел...

— Не знаю, что ты любишь, давай заказывай сам, — не давая ему договорить, я протянул ему меню.

— Э-э, ты решай, мне всё равно, правда, — он застенчиво отмахнулся и снова пододвинул меню ко мне. — Цзимо, я хотел спросить, у тебя есть парень?

Мои пальцы, сжимавшие меню, оцепенели. Я не знал, что ответить.

Видимо, мое молчание придало ему смелости, и он добавил:

— Цзимо, ты мне очень нравишься. Если хочешь, может быть...

— Не хочу.

Несмотря на то, что я заранее прокручивал в голове самые вежливые варианты ответа, в решающий момент я по наитию произнес эти три самых жестоких слова. Увидев его ошарашенное и разочарованное лицо, я почувствовал укол вины, но еще больше — облегчение. В конце концов, так будет лучше, когда всё сказано начистоту.

<http://bllate.org/book/20770/2084025>